

слабый, вроде Феодосия II, тогда как императрица Ирина проявила энергичное властолюбие, на манер Пульхерии, хотя далеко не обладала ее добродетелями. Под влиянием жены Лев IV смягчил суровые повеления, опубликованные пылким его отцом. Лев IV умер уже в 780 г., и тут Ирина, поддерживаемая усилившейся партией иконодулов (сторонников почитания икон), приняла опеку над своим сыном Константином и явилась его соправительницей, но на самом деле одна всецело властвовала над империей.

В качестве афинянки Ирина могла иметь такое же сердечное побуждение благодетельствовать родине, повергнутой в пренебрежение, как некогда и Афинаида после вторжения в Аттику готов Алариха.

Несомненным свидетельством расположения императрицы к родине было то, что она затеяла привести славянские племена в Греции в подчинение, и само это предприятие заставляет думать, что славяне в Греции достигли некоторой силы. Державный тесть Ирины, доблестный победитель арабов и болгар, ходил в 758 г. войной на македонских славян, но отсутствуют всякие сведения о том, чтобы он вел борьбу и против сородичей, осевших далее на юге, в самой Греции. Правда, за время Константина Копронима греческие славяне могли византийской государственной власти еще не казаться ни значительными, ни опасными. Напротив того, 28 лет спустя после смерти императора Константина Древняя Греция, благодаря, по-видимому, неоднократным массовым вторжениям славянов, настолько уж очутилась в руках варваров, что византийцам сам край пришлось завоевывать как бы заново, обращаясь с Грецией, словно с вражеской страной.

Славянские поселения распространились по всему полуострову; греческие местности ими занимались все более, и славяне теперь начинали угрожать завоеванием даже приморским городам. Весьма возможно, что между греками и варварами шла ожесточенная борьба: ведь последние из мирных поселенцев стали превращаться в повелителей и могли со временем создать в стране новое славянское государство. Возраставшая в этом направлении опасность